

ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СПЕКТАКЛЯ С ФАНТАЗИЯМИ НА ВОСТОЧНЫЕ ТЕМЫ

Сегодня мы играем спектакль последний раз.
Последний, самый последний. Больше не будет.
Цикады в ветвях и отзвук далекой лютни,
Целый мир исчезает – волшебный Шираз.

Последний спектакль и Шираз накрывает мгла.
Воды Стикса приходят, смывают город.
Актер немолодой, зритель тоже уже не молод,
Шираз уходит под воду с криками «Иншалла».

Где теперь раскрашенная марля твоих минаретов?
Где крик муэдзина, стертый с магнитной пленки?
Всё исчезает, как в море слеза ребенка.
Как пропадают строки забытых поэтов.

* * *

Где-то далеко на свалке-помойке
Гниют мои шорты и детские распашонки.
Синтетика может до сорока лет храниться.
Даже на свалке, даже в сырой землице.

Где-то совсем далеко под небом морозным
Ржавеет бидончик, в котором отец нес мне молоко козье.
А звездочка моя октябрьская, от нее хоть что-то осталось?
Может, хотя бы какая-то малость осталась?

Галстуки пионерские, первые часы, шариковые ручки
Наверняка еще где-то есть, как грязь, как глина, как невнятные закорючки.
Где-то есть то, что хранит нашу детскую память.
Мы оставляем следы, и они нас переживают.

* * *

Так и живем, бесконечный все строя сруб.
До самого неба, чтоб Бога увидеть, чтоб Он нас вызвал на суд.
Так и живем, стаканы ненависти запивая глотками любви.
Самой чистой, настоящей на крови.
Так и живем, упершись головой в рушащийся потолок.
То свежий березовый, то глиняный глотая сок.
И песни наши всегда достают до самого неба.
Там Бог наш сидит, и не факт, что во что-то верит.
Бог наш суров, часто несправедлив и горяч.
Но только он наш, только он и наш.
Да, мы построим сад и взорвем еще пять вселенных,
Но сад наш будет вовеки благословенен.
Да, мы умрем и сотню миров уничтожим,
Но выстроим мир, на рай очень похожий.
Чавкая кровью и задыхаясь на горных вершинах,
В рваных лаптях и наглухо сдутых шинах
Мы все бредем, сознавая, что идем к краю,
То трупы переступая, то младенцев у псов отбивая.
И нет нам ни большей радости и ни меньшей.
Русские – не унтерменши и не уберменши.
Просто люди, ищущие счастья в отсутствии счастья.
Находящие, теряющие и вновь находящие.

* * *

Начало зимы. Лег на реку вороный лед.
Тот, что ворона выдержит, а человек пропадет.
Я смотрю на реку, как она подо льдом течет.
И знаю, что мир наш – всё тот же вороный лед.

Только весна отыщет, только река отпоет
Всякого, кто, не будучи вороном, ступил на вороный лед.
Мир не мед и не сахар, в реке не отыщешь брод.
Но как не оставить свой след меж вороных? Не ступить на вороный лед?

*Посвящается Максиму Попову,
любимым фильмом которого был
«Тот самый Мюнхгаузен»*

Что там, барон? Как там в божьих библиотеках?
Так же тебе интересно? Всё так, как здесь?
Так же капли росы повисают на веках,
Когда продираешься в дождь сквозь лес?

Как там архангелы? Хороши ли им твои рассказы
О том, как ты в русских снегах замерзал?
Верят ли? До краев стакан наливают ли?
Пускают ли в свой небесный спортзал?

Что там в почете? Шпаги или бои без правил?
Упрекают ли, на кого ты нас тут оставил?
Носишь ли ты там свои по-махновски лихие усы?
А огурцы там под водку всё так же вкусны?

Как там летают архангелы в небе? Стаями? Клиньями?
Как тебе в схемах их? Удобно? Не тесно ли?
Пробовал задевать крылом гладь воды Авангарда?
Слухи какие в вышних? Наступление? Ретирада?

Какие костры, барон, мы разводили в лесах!
Какие невиданные звери к нам тогда приходили!
Никогда мы не знали, сможем ли вернуться назад.
Но, господи-боже, какие мы хороводы водили!

Барон, я пишу, и мне слезы едят глаза.
И, дружище, одна мысль мозг мой травит.
Знаю, что никто никогда не вернется назад.
Я просто хочу, чтоб ты знал, как тебя нам здесь не хватает.

...

А давай, барон, как всё кончится, мы опять поиграем?
Сходим на Авангард, и опять разведем костер.
В ледяной искупнемся воде, поорем под гитару.
И Вселенная будет слушать победный наш хор.

*Еще одно стихотворение,
посвященное Максиму Попову,
любившему фильм «Тот самый Мюнхгаузен»*

Что, барон, мы опять объявляем войну?
Мирозданию, тоске, дуракам и всей этой глупости?
Всему тому ненавидимому, что нас тянет ко дну,
Нас, изнывающих под бременем этой лунности.

Я знаю, барон, штыковая опять захлебнулась в снегах.
Здесь всё против нас, но в этом и прелесть игры.
Вспомним давай наше детство в июльских стогах.
Мы псы этой бесконечно-прекрасной войны.

Барон, кавалерия уничтожена, пехота утонула в болоте.
Как и обещано, всё против нас здесь. Против.
Поднимайтесь, барон. Я перевяжу вам руку.
Поднимайтесь, смерть ведь не правда и не разлука.

Победа будет за нами. Наше знамя дурацкое вьется.
С нами Том Уэйтс, Дон Кихот, и еще много таких найдется.
Цой, Курт Кобейн, Егор Летов, все как один.
Короче, и ты не один, да и я, знаешь ли, не один.

Барон, всё прекрасно, и мы поднимаем стаканы.
За твоё здоровье, и пусть ты ушел в nirвану,
Знаешь, здесь солнце всё так же сквозь кроны светит,
Мы рожаем детей, и наши смеются дети.

Всё хорошо, барон. Будет подкрепление и пехоте, и кавалерии.
Настанет срок, отольем медали прямо из Солнца.
И наградим всех достойных, ни одного не найдется,
Не награжденного солнечным озарением.

Закат опалает багрянцем погибших ряды,
И вскрытые горла алеют, как пионерские стяги.
Мы никого не забудем и в безвестности не оставим.
Ты жив, барон. Ты безупречно жив.

1812

Друзья, нам не осилить этих пространств.
Давайте съедим коня, и ему, и нам уже немного осталось.
Чудовищная, бесконечная, как Россия, усталость
Душит меня, как на ось намотавшийся шарф.

Друзья, давайте допьем вино и просто замерзнем.
С мужественным, как и подобает воинам, выражением на лице.
И увидим царевну в сияющем, будто снег на елях, венце –
Россию. И она проедет по нам в санях на скрипучих полозьях.

Друзья, мы можем, как Кай, ухватиться за ее сани
И остаться навеки среди этих людей странных,
Открытых для всех стран и своими считающих все страны.
Вот и утро, друзья. Вставайте. Она подъезжает.